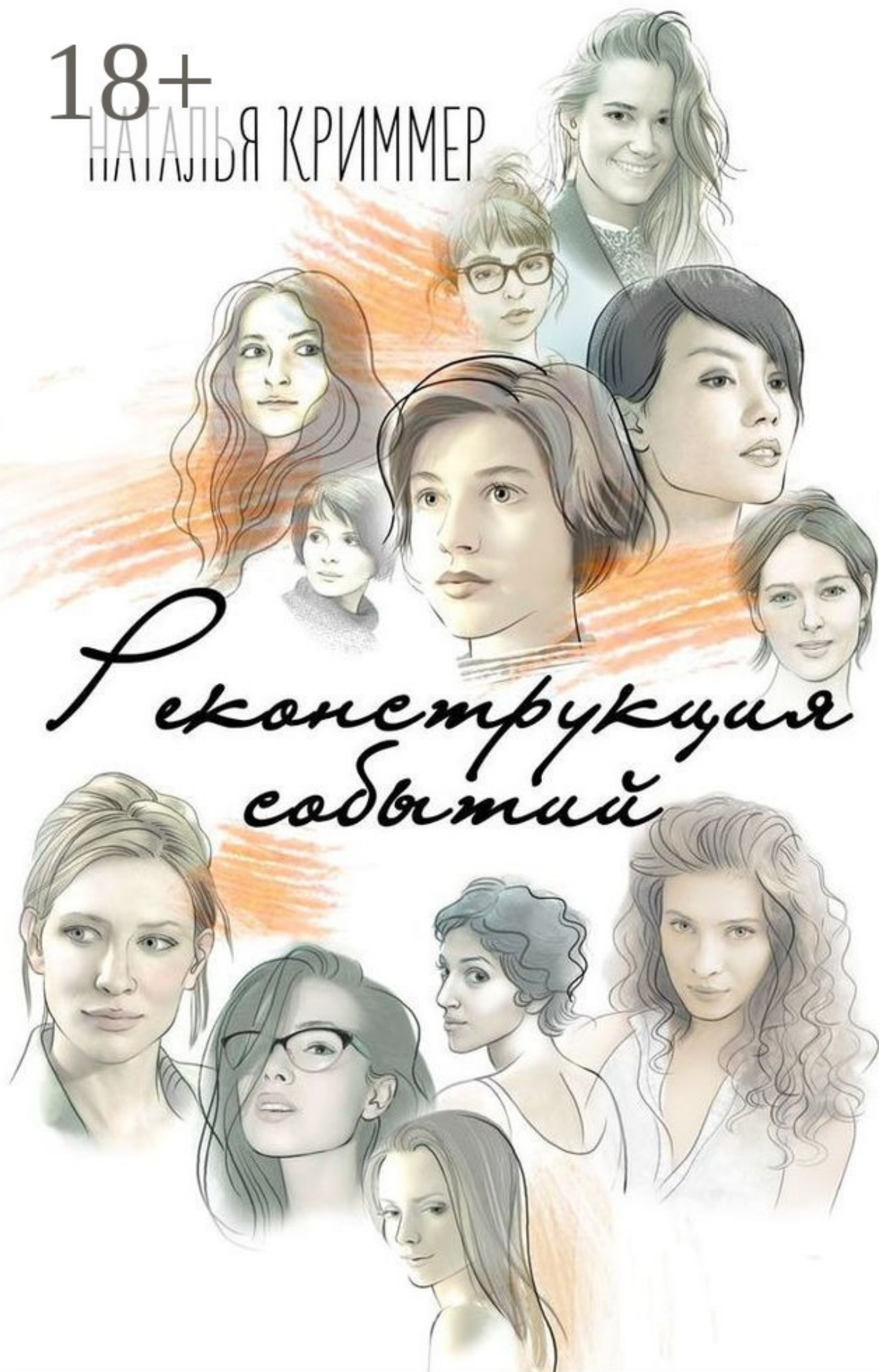

18+
НАТАЛЬЯ КРИММЕР

Реконструкция
событий

Наталья Криммер

Реконструкция событий

«Издательские решения»

Криммер Н.

Реконструкция событий / Н. Криммер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985947-1

Она никогда не думала, что такое может произойти в жизни. Но в её судьбе жизнь провела свою реконструкцию. И всё изменилось. Как известно, реконструкция — воссоздание прошлого, воспоминания. Не жизнь прошлым, а бережное отношение к тому, что было, и надежда на будущее. «Жить прошлым и не приходилось. Настоящее было таким ярким и наполненным, что оглядываться назад просто не было времени, да и подобного желания не возникало. А будущее представлялось ярким, безоблачным и обязательно счастливым».

ISBN 978-5-44-985947-1

© Криммер Н.
© Издательские решения

Содержание

1. Начало	6
2. Слишком серьёзная и мальчишек это пугает	10
3. Безысходность	13
4. Школьные воспоминания	14
5. Папина дочка	19
6. Игнат Тюнин и его «Прошлогодний снег»	21
7. Новый род деятельности	25
8. Заявка на проект	26
9. Фигуристка	30
10. Лидия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Реконструкция событий

Наталья Криммер

© Наталья Криммер, 2020

ISBN 978-5-4498-5947-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Начало

– Кинул мерзавец. Этого и следовало ожидать. Доверять никому нельзя.

Он говорил тихо, почти без эмоций. И в этой безразличной отстранённости человек, не знавший Тимофея Угорова, мог бы заподозрить то самое спокойствие и безразличие, кто угодно, но только не она, она слишком хорошо его знала. Марина видела красные прожилки на белках глаз, подрагивающие желваки на лбу и сжатые в ниточку, довольно полные губы.

– Ну, что ты так переживаешь? – пыталась она успокоить шефа и бывшего мужа в одном лице, – ничего же страшного не произошло. Человек принял решение поменять работу. В конце концов, никому это не возбраняется, каждый волен сам распоряжаться своей жизнью. Он хороший специалист, вероятно, нашёл какой-то более интересный вариант. Вполне обычная практика.

– Сделай так, чтобы ничего о присутствии в моей компании этого субъекта, не напоминало, – «не заметив» её слов, продолжил давать распоряжения Угоров, – из компьютера все его папки и документы убери. Чтобы духу не было! Предварительно, естественно, проверь, нет ли там чего интересного для нас и компрометирующего его. Хотя, конечно, нет. Он наверняка все хвосты подчистил. Осторожный зараза. – Тимофей брезгливо поморщился. – Меня эта его осторожность всегда напрягала. И вообще, проверь, не пропало ли у нас чего.

– Тимофей, что ты говоришь? Какие-то шпионские игры выдумал. Человек просто решил поменять работу, заранее поставил нас в известность, готов отработать столько, сколько положено по закону или вообще, сколько нам потребуется, пока мы не сумеем найти ему замену.

– По закону?! – презрительно ухмыльнулся Тимофей, – ну раз по закону, тогда, конечно. А вообще, может убираться сегодня же. – И вдруг резко спросил, – а ты знала, что он собирается уходить? Вы же с ним друзья, вечно шушукались о чём-то по углам.

– Друзьями нас назвать сложно, у нас просто нормальные, даже можно сказать, хорошие отношения. Мы коллеги. А «шушукались» мы, как ты говоришь «по углам», только потому, что прекрасно знали, что у тебя кругом «уши» и стучать любимому начальнику все любят. Поэтому, даже разговоры по работе, лучше вести без лишних свидетелей, чтобы не быть перевранным.

– Ты всё сказала? – сквозь зубы процедил Тимофей. – Я смотрю, что даже ты не на моей стороне, а на стороне этой пришедшей шушары. Может, тебе тоже не нравится работать в моей компании?

– Нынешняя обстановка мне не нравится, – честно призналась Марина, – каждый день прихожу, как во вражеский лагерь. Ты обложился сотрудниками, для которых интересы дела далеко не самое главное.

– Да-а?! – скривился Тимофей, – а, что же для них главное, если не секрет?

– Главное? Устроиться поближе к начальству. Всё, что возможно прибрать к своим рукам. А, если удастся, то и не только на работе.

– А мне казалось, отзывы клиентов о нас хорошие.

– Я специалистов, которые на приёме с людьми работают, не имею в виду, они нормальные, со дня открытия работают. Я говорю об офисных сотрудниках, даже скорее, сотрудницах. Сейчас, Вадим уйдёт, вообще работать будет не с кем.

– Если не нравится, зачем себя насиловать, в любой момент можешь подать заявление и уйти.

Он холодно смотрел на неё и был уверен, что она не уйдёт. Слишком многое связывало, слишком объединяло. «Не уйдёт», – мысленно припечатал Тимофей и был вполне свободен, чувствуя свою безнаказанность.

Она и не собиралась уходить, в ближайшее время бросать работу она не планировала, её всё устраивало: высокий оклад, руководящая позиция, уважение коллег, давно работавших в компании Угорова. Мучительно было только одно – встречать каждый день своего бывшего мужа – руководителя фирмы, вновь и вновь невольно переживать страшную трагедию, произошедшую в их семье. Трагедию, фактически ставшую причиной их разрыва. Но, сейчас она мгновенно приняла, как ей показалось, единственно правильное в этот момент решение, она поняла, что должна уйти и тут же сообщила об этом своему начальнику.

– Наверное, ты прав, Тимофей, мне действительно лучше подать заявление. – Марина встала, постаралась изобразить на лице спокойное, даже безразличное выражение и, не прощаясь, вышла из кабинета.

Выражение лица должно было быть обычным и повседневным, по крайней мере, дать возможность по нему что-то прочесть, было категорически нельзя. Желающие читать и трактовать в компании имелись, и доставлять им такое удовольствие не хотелось.

В приёмной было на удивление пустынно: за столом скучала секретарь, рядом с ней сидела барышня из бухгалтерии, часто в обеденное время, навещавшая свою подружку, в огромном аквариуме, разделявшем приёмную на две части, лениво перемещались полусонные рыбки. Вот собственно и вся аудитория, которая могла заинтересоваться настроением бывшей жены шефа. Но, даже и этой компании было достаточно, девушки моментально повернулись к вышедшей из кабинета Марине.

– Здравсти, – кивнула секретарская подружка и явно засобиралась покинуть приёмную, зная, что начальство не приветствует посиделки в рабочее время и не преминет сделать замечание.

Особенно этим отличалась Марина, не одобрявшая безделье и пустые разговоры. Шеф-то на это внимания не обращал. Вернее, естественно обращал, но до замечаний не снисходил. Для этого в компании имелись специально обученные люди, в их число входила и его заместительница и правая рука – Марина.

Марина зашла к себе в кабинет, постояла в дверях, как будто ждала приглашения, но кабинет был пуст, приглашение не последовало, она ещё немного постояла, подошла к столу, опустилась в кресло и набрала номер телефона начальника отдела кадров.

– Галя, скажи мне, как пишется заявление об увольнении, произвольно или какая-то форма есть? – как оказалось, ей в жизни ни разу не довелось писать подобного заявления, и она представления не имела, как это делается.

– Тебе по собственному? – деловито спросила Галя.

– По собственному, – кивнула невидимой собеседнице Марина.

– Ща форму тебе на почту скину, – пообещала Галя и запоздало полюбопытствовала, – а тебе зачем?

– Нужно, – уклончиво ответила Марина и задала очередной вопрос, – а на подпись сразу Угорову нести или вам подавать, а вы сами у него подпишите?

– Подожди, – заволновалась Галя, – заявление от кого? Чебуркову он ещё утром подписал, стрелы метал, шипел, всех костерил, только что мне в морду не кинул, но подмахнул. Ну, как обычно. А это-то чьё?

– Галь, заявление моё, – «успокоила» Марина, – так мне самой идти. или ты подпишешь?

– Марин, ты шутишь?! Или разыгрываешь меня? Так вроде до первого апреля ещё далеко.

– Не шучу и не разыгрываю, – вздохнула Марина, – просто решила поменять место службы.

– Очуметь! Поругались что ли? – завопила Галина, не поверив, в неожиданно обретенное коллегой новое место работы.

– Галь, мне заявление начальству самой нести? – устало спросила Марина, проигнорировав очередной Галин вопрос.

– Сама носи, – выдохнула кадровичка, – я не самоубийца к нему по такому вопросу подходить. Да и никого из девчонок подсылать не рискну, растопчет. Так что, извини, иди сама.

– Хорошо, спасибо, – сухо поблагодарила Марина и положила трубку.

Она быстро написала заявление по форме, присланной Галиной, размышлять на тему, правильное ли решение приняла, не стала, видимо, чтобы не было соблазна передумать, бегло пробежала написанное, поставила подпись и снова направилась в кабинет шефа.

В приёмной заинтересованных лиц поприбавилось, скорее всего, Галя оповестила коллег о крутых переменах, ожидающих компанию. То, что перемены будут непременно крутыми, сотрудники нисколько не сомневались. Представить Тимофея Угорова без его зама, а вернее без жены, пусть даже и бывшей, было нельзя. Уж слишком многое в его компании, да наверное и в жизни, было завязано на ней. Она стояла в этой цепи, довольно значимым звеном и было неизвестно, как поведет себя вся система, если извлечь этот компонент. Марина умела спокойно и профессионально решать все производственные вопросы, разруливать возникающие сложности, а главное, у неё получалось благотворно влиять на бушевавшего иной раз шефа.

– Тимофей Антонович у себя? – спросила Марина.

– У себя, один, – услужливо проинформировала секретарь.

Марина открыла дверь, привычно спросила: «можно?» и тоже привычно, не услышав ответа, зашла в кабинет. Тимофей сидел перед компьютером и, не отрываясь от экрана, миролюбиво спросил:

– Ну что, остыла?

Бывшая жена ничего не ответила, подошла к столу и положила на клавиатуру компьютера заявление. Получилось, что листок закрыл его руку, рука дрогнула, листок полетел на пол. Угоров наклонился, поднял документ, не взглянув на написанное, спросил:

– Это, что?

– Заявление.

– Какое заявление, что за фигня? – Тимофей опустил глаза, прочитал текст, – как это понимать? – он снова поднял глаза и удивлённо смотрел на свою в недавнем прошлом жену. «Как она может так поступать? – сверлило в голове, – как она может меня бросать? Это же предательство». В эту минуту он почему-то не думал о том, что сам совсем недавно не поддержал её в тяжёлый момент, что повёл себя так, что она тоже прировняла его поведение к предательству. И, что она, по непонятной причине, в результате его простила, не осталась с ним жить, но продолжала работать в его компании. Об этом Тимофей Угоров тогда не думал, да в общем, о таких неприятных вещах предпочитал не думать совсем.

– Понимать так, – буднично сказала Марина, в этот момент у неё почему-то запершило в горле. У Тимофея на столе, как всегда, стояла бутылка с водой, он очень верил в чудодейственный эффект water-терапии, поэтому постоянно держал под рукой бутылочку хорошей, по крайней мере, грамотно разрекламированной, дорогой минеральной воды. Марина протянула руку, взяла со стола бутылку, отвернула крышку, сделала глоток, сразу стало легче. Разумеется, пить из чужой бутылки не слишком гигиенично, да и правила приличия это запрещают, но на правах бывшей жены, она правилами пренебрегла, в конце концов, раньше они спокойно могли себе позволить есть из одной тарелки и пить из одной чашки, никто же не умер. – Понимать так, – повторила Марина, – я решила уйти из компании. Это моё заявление об уходе.

– Ты хорошо подумала? – губы Угорова опять стали тонкими. Он одарил бывшую жену холодным взглядом.

– Я хорошо подумала, подпиши, пожалуйста, – ответила Марина.

– Надеюсь, ты понимаешь, обратной дороги нет? – Тимофей угрожающе занёс над заявлением золотой Parker, который она подарила ему на пятилетие компании.

– Понимаю, – кивнула Марина.

Parker скользнула по бумаге, красивая начальственная подпись Тимофея Угорова появилась на листе.

– Передавай дела, – мрачно приказал Тимофей, протягивая ей подписанное заявление.

– Кому?

– Севрюгиной, – односложно ответил Угоров, взял со стола бутылку, из которой она только что пила воду, получше завернул крышку и, несмотря на то, что ёмкость была почти полной, демонстративно бросил её в корзину для бумаг, стекло жалобно звякнуло, разговор был завершён.

Марина взяла из рук Тимофея листок, сказала безликое: «Всего хорошего» и быстро покинула кабинет.

Сдав дела, оформив все необходимые бумаги, Марина, наконец, вышла на улицу, промозглая осенняя сырость пробирала до костей. Дома никто не ждал, с работой было покончено, страница жизни под названием Тимофей Угоров перевёрнута окончательно и бесповоротно.

Марина грустно брела по улице и вспоминала. Не хотела, старалась не думать, но думала и вспоминала. Вспоминала, какой была их с Тимофеем совместная жизнь. Сколько всего происходило, какими яркими событиями была она наполнена. Сколько безоблачных, счастливых минут они пережили вместе. Иной раз случались, безусловно, события, которые счастливыми назвать было нельзя, были и те, которые счастливыми и не были, а были просто страшными горькими бедами и неудачами. Но Тимофей и Марина были вместе и, до тех пор пока это «вместе» держало их наплаву, существовал их брак. Как только ощущение родного человека, идущего об руку с тобой, прошло, магическое «вместе» потеряло свою уникальную силу, брак рухнул, они расстались. По инерции, продолжали работать в одной компании, но сегодня и сила инерции не справилась с поставленной перед ней задачей, сила притяжения ослабла, ничего не держало, и она ушла.

2. Слишком серьёзная и мальчишек это пугает

Они познакомились на студенческой новогодней вечеринке. Марина почему-то сразу заметила темноволосого, широкоплечего парня. Он явно выделялся из толпы лохматых, самоуверенных юнцов в запредельно рваных по тогдашней моде джинсах. Выделялся не потому, что был выше всех ростом, причёсан и с иголки одет, а просто потому, что выглядел, гораздо солиднее своего «желторотого» окружения.

«С такой внешностью только в кино сниматься, – подумала Марина, разглядывая молодого человека. Потом отвернулась, осадив себя с формулировкой „нечего пялиться“».

Но когда молодой человек подошёл к ней знакомиться, она почему-то нисколько не удивилась, хотя удивиться могла бы, так как в тот момент не могла похвастаться очередью из дыхателей, ожидающих её благосклонности. Марина в общем уже привыкла к такому положению вещей и принимала его как данность. Когда-то её одноклассница, анализируя Маринины неудачи в школьных «любовях», сказала: «ты, Маринка, слишком серьёзная и умная, мальчишек это пугает». «Может и так», – соглашалась с ней Марина и со временем привыкла к тому, что особенно не пользуется вниманием ровесников противоположного пола. Хотя на внешность пожаловаться не могла. Мужчины постарше пытались ухаживать за спокойной, сдержанной, высокой, зеленоглазой, темноволосой девочкой, но безуспешно. В поле её интересов «взрослые дядьки» никогда не попадали.

Сейчас парень, на которого были обращены заинтересованные взоры девушек всего зала, подошёл знакомиться именно к ней. И странно, она приняла это как должное.

– Привет! – поздоровался молодой человек, неожиданно протянул руку, как обычно принято у иностранных менеджеров среднего звена или если бы здоровался он с мужчиной, а не с миловидной девушкой, представился, – Тимофей Угоров.

– Очень приятно, – улыбнулась Марина, протянула руку и в тон ему представилась, – Марина Тимофеева, – когда произносила свою фамилию, ещё раз улыбнулась, – вот такое совпадение.

– Это не совпадение, – весело подмигнул новый знакомый, – это знак.

Было ли это событие знаком или простым совпадением, никому из участников разговора доподлинно известно не было, но знакомство состоялось.

– Пир во время чумы, – окинул, искрящийся весельем зал, презрительным взглядом Тимофей, – через неделю сессия начинается, а им всё нипочём.

«Пир во время чумы» впечатление произвёл и уважение вызвал, Маринины однокурсники далеко не все могли похвастаться знанием не самого известного произведения Пушкина, да и вообще к месту употребить это название тоже не каждый бы сумел.

– Пушкина любишь, или просто сказал? – поинтересовалась Марина.

– Я ставил эту маленькую пьесу, когда на третьем курсе учился, – и пояснил, – я театральный заканчивал.

– Актё-ёр! Интересно! – отреагировала Марина, сразу подумала: «Вот откуда лоск и умение себя подать».

– Не актёр, – возразил Угоров, – режиссёр. Я после школы в театральный институт поступил, на режиссёрский. Поступил очень легко и только потом понял, что совсем не туда пришёл. Во-первых, на режиссёрский должен идти человек, хоть с минимальным жизненным опытом, а во-вторых, с непреодолимым влечением к этому делу. А у меня ни того ни другого и в помине не было, но так как я привык все дела доводить до конца, никуда не ушёл, доучился, получил диплом и отправился сюда, поступил на психфак.

– Что из университета в театральный уходят, я слышала, а что наоборот, честно говоря, никогда.

– Вот сейчас меня встретила, – заулыбался парень и продолжил презентацию самого себя, – сейчас я получаю второе высшее образование. А ты?

Он не пояснил, что именно подразумевалось под этим «а ты», но она сразу поняла, что речь идёт о факультете, на котором она учится, и поспешила ответить.

– У меня такого витиеватого пути не было, я окончила школу и сразу поступила на исторический факультет. Сейчас учусь на третьем курсе.

– Я тоже на третьем.

– Странно, почему-то я тебя раньше ни разу не видела.

– У меня же второе образование, поэтому мне многие предметы автоматом засчитывают, посещать не нужно. И взяли меня сразу на второй курс. Я не часто в институте появляюсь. А на вечеринки вообще не хожу, не люблю. Сегодня приятель зазывал, я повёлся на уговоры, а теперь скучно.

– Мне сразу показалось, что ты какой-то другой, – заметила Марина, – не из нашей студенческой братии.

– Тебя я бы тоже к братии причислять не стал, – сказал Угоров и, понизив голос, заговорщически предложил, – а давай смоемся отсюда. Тут, по-моему, ничего интересного уже не будет, да на мой взгляд, и не было.

Марина кивнула, она тоже не была поклонницей шумных молодёжных тусовок и, в основном на подобных мероприятиях, откровенно скучала и посещала их с неохотой, только для того, чтобы не «отрываться от коллектива» и не прослыть занудой и, как сказали бы раньше, «синим чулком».

– Как хорошо на улице! – Марина с удовольствием вдохнула чистый морозный воздух.

– И главное, музыку не слышно, если вообще этот грохот можно назвать музыкой, – откликнулся новый знакомый.

– И свет не мелькает, – поддержала разговор Марина. Потом они посмотрели друг на друга и расхохотались, – как два старичка брюзжим, всё нам не нравится, – продолжая смеяться, сказала Марина.

– Ну почему? – видимо решил откреститься от «старичков» Тимофей, – современная клубная музыка есть очень крутая и ещё хорошо бы, чтобы ди-джей был продвинутый и не глухой. Но в тишине бесспорно свои прелести есть.

Они прошли по территории бывшей фабрики, где в соответствии с новыми реалиями стали проводиться всевозможные развлекательные мероприятия, и вышли на набережную.

– Пойдём, погуляем, – предложил Угоров.

– Пойдём, – согласилась Марина.

После дня знакомства они стали часто встречаться. Много гуляли, обсуждали, делились впечатлениями, ощущениями от жизни и новой информацией. Им было друг с другом интересно, комфортно – они дружили, а потом оказалось, что дружеские чувства переросли во что-то иное, и это иное повлекло за собой необходимость проложить новый маршрут прогулок и отношений. И в результате новая дорога привела их в ЗАГС.

Было белое платье, фата, букет, лимузин с кольцами, благословение от обеих пар родителей, поздравления от друзей и родственников.

После свадьбы молодожёны поселились в его уютной квартире, в старинном доме в неожиданно тихом московском центре. Тимофей Угоров оказался вполне завидным женихом, так как жилплощадь досталась ему от бабушки и находилась в его единоличном владении и, вследствие этого, молодая жена вошла в его жилище полноправной хозяйкой. Она почувствовала себя сильной, взрослой, совершенно самостоятельной, с энтузиазмом кинулась вить гнездо и создавать любимому мужу удобство и комфорт.

Марина с Тимофеем хорошо жили, каждый нежно относился к своему партнёру, даже можно сказать, они были дружны. Их не тревожили страсти семейной адаптации, которым часто подвержены молодые пары на ранних стадиях совместной жизни. Они как-то сразу сумели этот рубеж преодолеть, как говорится, легко «притёрлись» друг другу, узнали интересы и вкусы своего супруга и, как интеллигентные воспитанные люди, научились их понимать, принимать и им соответствовать.

По окончании института Тимофей сразу создал свою компанию по оказанию психологической помощи населению. Дело как-то сразу пошло: то ли Тимофей правильно организовывал своё дело, то ли спрос на подобные услуги в этот момент возрос, и новая компания попала на благодатную почву, то ли сам господин Угоров, будучи по первому образованию режиссёром, сумел грамотно срежиссировать и, главное, спродюсировать свой новый проект, коим стала его именная компания. А, может быть, все вышеназванные факторы в какой-то момент сложились, открывая перед новым начинанием, интересные перспективы и возможности.

Марина во всех творческих идеях мужа была верным помощником, соавтором и партнёром.

Всё было безоблачно, светло, надёжно. А потом пришла беда.

3. Безысходность

Он умер в одночасье, не прожив и трёх дней от роду. Врачи разводили руками, говорили: «так бывает» и называли случившееся какой-то странной, даже зловещей аббревиатурой СВДС, убеждая родителей, потерявших сына, что диагностировать подобные синдромы нельзя и установить причину тоже. Случилось непредвиденное: у ребёнка прекратилось дыхание, вследствие этого произошла остановка сердца. Доктора говорили, что, к сожалению, от такого никто не застрахован, что до года, такая беда может постигнуть любого абсолютно здорового ребёнка.

Несчастные родители ничего этого понимать не хотели, а отец ребёнка высказывался в адрес лечебного учреждения крайне негативно и грозил санкциями и проверками. Медики, дабы себя обезопасить, подключили к объяснительному процессу «тяжёлую артиллерию» в лице заведующего отделением и главврача больницы.

Медицинские боссы в свою очередь посочувствовали, принесли соболезнования и даже любезно расшифровали загадочную аббревиатуру, которую до этого произносили их коллеги, подтвердили, что причиной внезапной кончины ребёнка стал Синдром внезапной детской смерти и, в этом случае, сделать было ничего нельзя.

Они вещали ещё что-то, но Марина этого уже не слышала, у неё остановилась жизнь. Она надолго закрылась от внешнего мира и всё, что происходило вокруг, воспринимала, как ненужный надоедливый внешний раздражитель.

Разумеется, Тимофей тоже переживал, но проявление горя было в его интерпретации совсем другим. Он, в отличие от жены, совершенно не мог оставаться один, рвался к людям, искал общения, заводил новые знакомства. Занялся спортом, начал посещать бассейн, увлёкся игрой в теннис. Он пытался приобщить к своим занятиям и Марину, звал развеяться, говорил, что нужно учиться жить, что они молоды и должны вместе постараться пережить случившуюся трагедию. Марина кивала, вроде бы соглашалась, но неизменно на его предложения отвечала отказом.

А когда Тимофей предложил жене на годовщину свадьбы поехать за границу отдохнуть, поменять пейзаж перед глазами, отвлечься, Марина посчитала такое поведение мужа предательством и подала на развод. Правда потом, несколько лет спустя, анализируя печальные события того времени, она пришла к выводу, что была неправа. Что они оба были неправы. Они не сумели перед лицом страшного несчастья, выпавшего на их долю, сплотиться и помочь друг другу. Так часто бывает – горе не сплотило, а разобщило супругов, они расстались.

Пятилетие свадьбы не состоялось, супружеская пара Марина Тимофеева и Тимофей Угоров перестала существовать, но остались одноимённые сотрудники компании. Марина хотела уйти и с работы, но уже бывший муж уговорил с этим повременить и не совершать необдуманных поступков. Марина послушалась, поступков в тот момент не совершила и осталась служить в агентстве Тимофея Угорова. А теперь, вероятно, пришло именно то время. Марина покинула компанию и теперь, совершенно свободная от всех обязательств, правда, утопая в грустных мыслях, брела по вечерней московской улице.

4. Школьные воспоминания

– Тимошка! Тимошка! – машина гудела и моргала фарами. Все остальные участники движения, которым голосащая и моргающая иномарка перегородила дорогу, тоже равнодушными не оставались и немилосердно сигналили и, как умели, выражали своё недовольство.

«Какая-то толпа умалишённых, – подумала Марина и остановилась у зебры, собираясь переходить дорогу, – как таким безумным гражданам права выдают? Лица остервенелые, злые, орут чего-то. И девица в первой машине странная, что она руками размахалась?».

– Тимошка! Тимошка! – вопила девушка из машины.

Марина, наконец, сообразила, что «Тимошка-Тимошка» обращено к ней, она просто отвыкла от этого имени и забыла, что её так называли в школе. Фамилия же Тимофеева, так и получилась Тимоша, а иной раз и Тимошка.

«Значит барышня из школьного прошлого», – подумала Марина, но кто именно понять никак не могла.

– Маринка! – звала неузнанная одноклассница, – давай быстрее, садись в машину, здесь остановка запрещена и штраф пришлют, и эти бандерлоги сейчас надорвутся орать. Мешаю я им, видите ли!

«Бандерлоги» сделали своё дело. «Это же Алёнка Привольная», – мысленно «ахнула» Марина и побежала к машине.

– Волька! – обращаясь к подруге, Марина тоже использовала школьное прозвище: «Привольная – Вольная – Воля – Волька», – ты так изменилась, я тебя в жизни бы не узнала.

– Что, так сильно? – кокетливо посмотрела на себя в зеркало заднего вида Привольная и поправила волосы.

– Сильно, – честно сказала Марина, – по-моему, похорошела очень.

– Да, пустяки, – продолжала любоваться своим отражением Алёна, – цвет поменяла и так, лёгкий тюнинг провела.

Алёна стала блондинкой, и этот цвет ей шёл, но, по сути, блондинкой она, разумеется, не стала, да и не могла стать. С детства была неглупой, сообразительной, практичной, знающей себе цену девочкой. Неплохо училась, могла бы учиться лучше, но в какой-то момент решила, что знания, полученные в школе, ей в жизни не пригодятся, и стала относиться к учебному процессу, как к потерянному времени, которое нужно просто переждать.

В школе Марина с Алёной Привольной особенно не дружили, у каждой была своя компания и свой круг общения, естественно поддерживали отношения, поскольку были одноклассницами и иногда этого требовали необходимости школьной жизни. Хотя, их неблизкое общение не помешало Алёне поставить Марине «диагноз», что её неуспех у одноклассников мужского пола именно от того, что Тимофеева «слишком серьёзная и мальчишки её боятся».

По окончании десятилетки, девочки не общались, но какие-то минимальные сведения друг о друге периодически узнавали от общих знакомых.

– Ну, ты как, вообще? – спросила у Марины Привольная.

– Нормально, – уклончиво ответила бывшая одноклассница, распространяться на тему, что у неё всё далеко не так нормально, как хотелось бы, желания не было. – А у тебя как?

– Прекрасно! – просияла Алёна, – лучше и придумать нельзя!

– Рада за тебя. Ты же вроде замужем, кто-то из наших ребят говорил.

– Замужем была. Сейчас, к счастью, нет.

– Почему к счастью? Вроде говорили, что ты довольно удачно замуж вышла.

– По первости и мне так казалось. А что? Нормальный парень, москвич, родители небедные, квартира есть, машина, дача. Короче. весь наборчик. В МГИМО учится. Золотой вари-

ант. Только потом оказалось, что в институт он не ходит, работать, тоже не работает. Дальше выяснилось, что он постоянно торчит в казино.

– В казино?! А их же закрыли.

– Официальные закрыли, а подпольные, пожалуйста, есть деньги, как говорится, милости просим. У него деньги сначала были, а когда закончились, он из дома всё понёс, без разбора брал: своё, моё, родительское. Лишь бы можно было продать. Потом пить начал. В общем, целый букет. Я решила, что не хочу голой-босой в этом смрадном болоте плескаться и подала на развод. Как меня его мать не просила её мальчика непутёвого не бросать, я слушать ничего не стала, развод оформила и ушла. Ничего не взяла, – и расхотелась, – да и брать-то к тому моменту было уже нечего.

– А сейчас ты как живёшь? – Марине очень не хотелось переходить на обсуждение своей личной жизни, поэтому она задала следующий вопрос.

– Сейчас тоже прекрасно! Вот, машину новую вчера купила, – Алёна ласково похлопала «железного коня» по рулю, – скажи, классная?

– Хорошая, – кивнула Марина, – и цвет необычный.

– Ага, – заулыбалась Алёна, – её за этот цвет, взбесившегося поросёнка, никто не брал. А мне понравилась: заметная и угонять никто не рискнет. Я сразу решила её взять, но виду не подавала, стала носом крутить, что меня тоже цвет не устраивает, они испугались, что покупатель сорвётся, и скидку хорошую сделали. Короче, повезло.

– Ты всегда везучая была, – улыбнулась Марина, – помнишь в школе, когда на праздники лотереи проводили, ты обязательно что-нибудь выигрывала.

– Хоть авторучку, но обязательно, – усмехнулась Волька, – вот такое оно моё везение. – Она, наконец, сумела найти парковочное место и предложила, – пойдём, хоть кофейку дёрнем за встречу.

– Пойдём, – согласилась Марина, идти домой совершенно не хотелось.

Девушки расположились в кафе, заказали капучино и продолжили разговор. Вернее, говорила в основном Алёна, а Марина выступала в качестве слушателя, надо сказать, такая «расстановка сил» её вполне устраивала.

– Ты же помнишь, – разглагольствовала Алёна, – я особенно к знаниям никогда не тянулась и, ни в какие институты – университеты поступать не собиралась. Но, всё равно заниматься чем-то надо было, и меня мой свёкор устроил на курсы, где готовили помощников руководителя. Курсы были дорожные, новомодные, но для любимой невестки ничего не жалко. Называлось всё красиво, а в общем, готовили обычных секретарей-референтов, но диплом выдали, шикарный, на тиснёной бумаге, золотом написано. Крутизна, хоть на стенку вешай! Ну, я его вешать не стала, а сразу пошла в компанию своего свёкра работать. А когда разошлась с мужем и с работы ушла. Сразу концы рубить нужно, нечего на полумерах жизнь строить.

«Какая молодец Волька, – думала Марина, – её решительности только поучиться, а у меня этими полумерами, о которых говорит Алёна, вся жизнь наполнена».

– А сейчас я в такой конторе необычной работаю, – продолжала Привольная, – мы там реконструкциями занимаемся историческими, ну и всякими другими. Огромными проектами ворочаем.

– Ты занимаешься историческими реконструкциями? – удивилась Марина, – это же работа довольно трудоёмкая и знания определённые нужны.

– Да нет, я естественно никакими реконструкциями не занимаюсь. Мне дай, я такое нареконструирую, никто не разберётся о чём речь должна была идти, – рассмеялась Привольная. – Я секретарём как работала, так и работаю, замечательная работа и никакой ответственности: подай, принеси, позвони, найди, напечатай, закажи. В общем, обычная секретарская деятельность, мне нравится. Платят очень даже прилично и начальство под рукой. Короче, меня всё устраивает. Я ещё когда на работу устраиваться пришла, с шефом познакомилась,

сразу поняла – этот своего не упустит. Хваткий мужик. Мне иной раз кажется, что у него деньги сами к рукам прилипают. Он клиента за версту чует и если уж вцепился, «живым не отпустит». Мы с ним в прекрасных отношениях, он меня ценит. Одним словом, всё замечательно.

Марина с интересом смотрела на искрящуюся позитивом Привольную, думала, что хорошо, наверное, иметь такой легкий характер. Волька по-своему расшифровала, как ей показалось, многозначительный Маринин взгляд, усмехнулась и ответила на не прозвучавший вопрос:

– Если интересно узнать, сплю ли я с ним, то отвечу: бывает. Но, это ничего не меняет, у нас лёгкие, приятельские отношения без всяких обязательств. И нас это вполне устраивает. Хотя я не исключаю, что со временем может что-то измениться, и наш дружеский роман перейдёт в какую-то другую фазу. По крайней мере, я, честно говоря, рассматриваю Игната в качестве запасного аэродрома.

– А он тебя рассматривает? – улыбнулась Марина.

– Да фиг его знает, что он там себе рассматривает или не рассматривает, – беспечно махнула рукой Привольная, – он у нас парнишка с чудиной, никогда не поймёшь, что за мыслишки у него в голове крутятся. Но главное, чтобы меня эта тема интересовала, а он – дело техники. Да ладно, что мы всё обо мне, – вдруг спохватилась Алёна, – я всё трещу, а про тебя даже не поговорили.

«Ну, вот, – раздражённо подумала Марина, – видно отмолчаться не получится, Волька была со мной вполне откровенна и не поведать что-то о себе, будет уж совсем не по-дружески». Но рассказывать ничего не пришлось, «цыганская почта» образцово-показательной московской школы сработала вполне «образцово-показательно», Алёна Привольная имела практически полную информацию о событиях в жизни Марины Тимофеевой. Знала она: о браке одноклассницы, о несчастьи с ребёнком, о последовавшем потом разводе, знала даже, что после расторжения брака Марина продолжала работать в компании своего, уже на тот момент, бывшего мужа. Не была Алёна осведомлена только о том, что Марина с предыдущего места службы ушла, но это было неудивительно – до сегодняшнего дня об этом не знала и сама Марина.

– Ты всё продолжаешь у своего бывшего трудиться? – спросила Привольная.

– До вчерашнего дня продолжала, – вздохнула Марина, – а сегодня неожиданно поняла, что это как-то ненормально, подала заявление и в один день ушла.

– Ну и молодец! – похвалила Алёна, – то есть, я тебя встретила, как раз в тот момент, когда ты стоишь на пороге новой жизни!

– Красиво звучит: «на пороге новой жизни», – усмехнулась Марина.

– Это наш Игнат так говорит, когда начинает новый проект: «стоим на пороге нового проекта». Слушай! – Алёну вдруг осенила, как ей показалось, гениальная мысль, – ты же сейчас свободный художник, тебе работа не нужна?

– Работа? – как-то даже растерялась Марина, – наверное, нужна.

– Ты же по образованию историк? – деловито уточнила Алёна.

– Да. Я средними веками углублённо занималась.

– Это без разницы, какими веками. Главное, что ты дипломированный специалист в области истории и документы, подтверждающие это наверняка имеются. Имеются же?

– Конечно, а как же иначе.

– Ну и прекрасно. Один звонок, – Алёна порылась в сумке, достала телефон, повторила, – один звонок, и ты уже устроена на работу.

– Алён, подожди, – охладила порыв трудоустройства ближнего Марина, – хоть расскажи: что за работа, что нужно делать, ну и вообще.

– Никакого «вообще» не понадобится, – расхохоталась, понимающая всё под определённым углом Алёна, – никаких «вообще». Обычная работа: подбор информации по той или иной теме, обработка собранных материалов, просмотр потенциальных исполнителей, заказ костю-

мов, ну и организация самой реконструкции. Вот, собственно, и всё. Работа как работа. Ну что, звоню?

– Я даже не знаю. Ты столько всего наговорила, я, честно говоря, не уверена, справлюсь ли я. Это для меня совершенно новая область.

– Естественно справишься. Куда денешься? А потом, ты же не одна будешь, там большая группа, каждый профессионал в своей области, вот только по историческим реконструкциям специалиста нет. Брала каких-то залётных, да толку мало: человек пока в курс дела войдёт, в работе разберётся, уже проект заканчивается. Поняли, что приглашённый специалист – это не вариант. Мы последнюю неделю с Игнатом по всем каналам историка искали, столько сайтов прошерстили, даже кого-то на собеседование пригласили, но всё не то.

– А почему ты думаешь, что я – «то».

– Ты – «то», – уверено заявила Алена, – так звоню? – и, не дожидаясь ответа, ткнула в экран гаджета, который давно вертела в руках, – Тюничка, – защebetала она, – добрый вечер, милый. Нет, не доехала ещё. Дело не в пробках, хотя пробок полно. Я, представляешь, случайно встретила свою одноклассницу. Тюничка, нам её Бог послал. Она, знаешь, кто по образованию? Никогда не догадаешься. Историк. Великолепный специалист. Университет окончила с красным дипломом. – Видимо абонент, с которым беседовала Алёна, с интересом воспринял полученную информацию и стал задавать уточняющие вопросы, его сотрудница отвечала и параллельно гримасами комментировала своё отношение к его словам. – Я узнала, что она только сегодня ушла с работы. Почему ушла? – Алена закатила глаза, – с мужем развелась, а она работала в его компании, ну и ушла. Сам понимаешь, с бывшим дело иметь, радость небольшая. Да все вы мужики такие. Ладно-ладно, ты не такой, – Привольная хитро подмигнула Марине. – Что ты?! Конечно, я ей ничего не предлагала. Как я могу без твоего ведома. – Руководитель в трубку дал какие-то наставления своей сотруднице. – Сейчас, немедленно позвоню. Уговорю, обязательно. Ты же уверен в моих способностях? – Алёна залилась, кокетливым смехом, видимо, услышав от начальника, что в её способностях он нисколько не сомневается и ещё какие-то подходящие к случаю комплименты. В это же время, она поднесла указательный палец руки к виску, демонстрируя Марине, что можно застрелиться от трескотни её шефа. – Я прямо сейчас позвоню Марине и о результатах нашей беседы тебе тотчас же доложу. Не переживай, всё будет хорошо. Целую.

Волька бросила на стол телефон, театрально заломила руки и заявила:

– До чего же он любит трындеть без остановки, у меня даже ухо заложило.

Марина подумала, что выражение «трындеть без остановки» больше подходит самой Алёне Привольной, но благоразумно промолчала.

– Он счастлив и ждёт твоего ответа. Не будем его долго мучить, подождем минут пять, и я позвоню, обрадую.

– Было бы чем радовать, – усмехнулась Марина, – тоже мне специалиста нашла. И зачем-то про красный диплом наплела.

– А он у тебя не красный? – искренне удивилась Волька, – ну и ладно, главное, что он есть. Ну что, звоним?

Алёна снова соединилась с шефом, обрадовала, что её бывшая одноклассница Марина Тимофеева согласна рассмотреть его предложение о работе и завтра приедет в офис, познакомиться.

– Дело сделано, – радовалась Алёна, – как хорошо, что я тебя встретила, а то, где бы мы адекватного историка нашли? – И поделилась, – у нас большая историческая реконструкция намечается.

– А на какую тему? – поинтересовалась Марина, – хоть какая эпоха?

– Не знаю, – пожалала плечами Волька, – знаю, что историческая, и что там будут задействованы серьёзные деньги. А все тонкости тебе Тюнька завтра сам расскажет.

– А почему ты его таким странным именем называешь – Тюнька? Его же вроде Игнат зовут?

– Игнат Тюнин. Вот я разные прозвища и придумываю, чтобы не скучно было. Слушай, Марин, а ты сейчас где живёшь?

– Когда с мужем разошлась, обратно к родителям вернулась.

– Круто! – обрадовалась Алена, – я же тоже после развода домой переехала. Значит, мы с тобой теперь снова соседки. На работу будем вместе ездить. Вдвоём не так тоскливо в пробках сидеть.

Пока девушки были в кафе, пробки рассосались, и Марина с Аленой без серьёзных затруднений добрались до своего района и, наконец, расстались, условившись утром встретиться и вместе ехать на работу.

5. Папина дочка

– Что-то ты поздно сегодня, Маришка, – сказал отец, открывая дочери дверь, – Угоров твой – эксплуататор новоявленный, охраны труда на него нет!

– Папуль, не ворчи, Угоров тут ни при чём. Я из офиса ещё днем ушла. Честно говоря, совсем ушла, в компании Тимофея Угорова я больше не работаю.

– Свершилось! – обрадовался отец, – я всегда говорил, с прошлым вовремя расставаться нужно. Зачем у бывшего мужа работать? – и наставительно добавил, – прошлое оно и называется прош-ло-е, то есть то, что уже прошло, – и большим пальцем руки потыкал себе за плечо, указывая направление куда, по его мнению, ушло это самое «прош-ло-е».

– Философ ты мой, – рассмеялась Марина и чмокнула отца в щёку.

Марина с детства знала, что её папа – Владимир Николаевич Тимофеев, является не только её отцом, но, в первую очередь, другом: самым лучшим, самым близким, самым настоящим другом. Мама была – мама: любила, кормила, заплетала косички, пока к её неудовольствию, дочка, с разрешения папы, не сделала себе модную стрижку, проверяла дневник, ругала, если было за что, изредка хвалила, считая лишние похвалы занятием непедагогичным. А папа! Папа был всё остальное. Интересные книги, музеи, театры, концерты, увлекательные путешествия, спорт, даже рыбалка – всё это был папа, его жизнелюбие, заинтересованность, оптимизм.

Нельзя сказать, что Марина любила отца больше мамы, но с ним она была ближе и откровеннее, как будто они были настроены на одну волну.

А Владимир Николаевич обожал их обеих. Во всём мире для него существовали две женщины – его жена и дочь. И надо сказать обе платили ему тем же – нежной любовью и преданностью, каждая по-своему, в силу своего темперамента и умения выражать чувства: старшая более сдержано, младшая часто бурно и эмоционально.

– Ужинать будешь? – суетился на кухне отец. Так было заведено в их семье, когда мама уходила на дежурство, она работала в больнице, на кухне хозяйничал отец, – садись, Маришка, я такую картошечку пожарил, закачаешься! Сам удивился, что так здорово умею, – восхищался своими кулинарными способностями стоматолог по профессии и повар по призванию, ставя перед дочерью тарелку с дымящейся, румяной картошкой и, в подтверждение вышесказанного, продекламировал строчку в подражании Маяковскому. – Я бы в повара пошёл, пусть меня научат!

– А тебя и учить не нужно, – сразу отреагировала поклонница отцовской стряпни, – всегда всё вкусно получается.

– Ну уж, скажешь тоже! – изобразил смущение Тимофеев. Потом перевёл разговор, решил поддержать дочь. – Ты, Маришка, не переживай, без работы не останешься. Хоть отдохнёшь немножко.

– Пап, не отдохну и без работы не останусь, вернее уже не осталась, – и на всякий случай уточнила, – скорее всего, не осталась. Я завтра на новое место выхожу, и если меня и работодателя всё устроит, то, значит, буду работать.

– Вот это да! Молодчина, какая у меня девочка. Как ты так быстро? Пригласил, что ли кто-то?

– Да, – кивнула Марина, – причём совершенно случайно. Я сегодня, когда домой возвращалась, встретила одноклассницу мою – Алёну Привольную. Может, помнишь?

– Хорошо помню. Однажды я с её отцом на родительском собрании рядом сидел, и Алёну эту учителя ругали за то, что она школьный dress code не выполняет, что у неё пирсинг в носу, бровях и ещё не знаю где.

– Ещё в пупке, – любезно подсказала Марина и добавила, – она одно время этим очень увлекалась. Сейчас и не скажешь, что было такое.

Отец подсказкой не воспользовался, продолжил свою мысль.

– Её ругали, а тебя хвалили. Мне даже перед её отцом неудобно было.

– Смешной ты, пап. Твою дочь хвалят, а тебе неудобно. Лучше что ли, чтобы меня ругали?

– Что ты?! Тебя никогда не ругали, – заулыбался отец.

– Все меня хвалили и говорили: «какая ты примерная лгунья», – хитро прищурилась Марина.

– Какая лгунья? Что за ерунда. Ты никогда не врала. Ничего подобного мне никто сказать не мог.

– Пап, – смеялась Марина, – это не про меня, а про Пеппи Длинныйчулок так говорили. Помнишь, мы с тобой на спектакль ходили?

– Да ну тебя, Маринка. Запутала меня совсем. Тебе чаю налить?

– Наливай и себе налей. Что ты всё хлопочешь?

– Такая моя отцовская доля, когда ребёнок с работы пришёл, – расцвёл Владимир Николаевич, наливая себе и ребёнку чай. – Я, кстати, видел на днях эту Алёну Привольную, в супермаркете встретил, там, на горке, – Тимофеев махнул рукой в сторону горки, где состоялась упомянутая встреча. – Я её сначала даже не узнал, потом смотрю, вроде она. Повзрослела, в блондинку перекрасилась. А тебе забыл рассказать, чем-то отвлёкся и забыл. Она по-прежнему с родителями живёт?

– Так же, как и я, с мужем разошлась и вернулась.

– Ох, – пригорюнился папа, – что же у вас, молодых, всё так нескладно – сходитесь, расходитесь.

– Ничего не нескладно, – возразила Марина, – у меня в жизни новый виток начинается. Новые знакомства, новая сфера деятельности, может и ещё что-то новое на горизонте замаячит.

– Обязательно замаячит, – сразу поддержал отец, – и не что-то, а кто-то.

– Это уж непременно, – усмехнулась Марина и поинтересовалась, – а что ты меня не спрашиваешь, чем я в новой компании заниматься буду?

– Правда, не спросил, ты меня этой своей Алёной с толку сбивала, вот я и не спросил.

Марина хорошо понимала, что никакой Алёной она его «с толку» не сбивала, просто отец услышал, что дочка быстро и безболезненно устроилась на работу и этого, любящему родителю было вполне достаточно.

– И чем же ты теперь будешь заниматься, Маришка? Если не секрет, конечно.

– Разумеется, секрет, пап, – заговорщически понизив голос, ответила дочурка, – потому что..., – Марина взяла мхатовскую паузу, потом повторила, – потому что я пока сама толком не знаю, – и весело рассмеялась.

– Как не знаешь? Что же ты идёшь на работу и не знаешь, чем заниматься будешь? Тебе Алёна разве не объяснила?

– Объяснила в двух словах. Сказала, что они занимаются реконструкциями, в основном историческими. И им, как раз нужен сотрудник – консультант по вопросам истории. Они искали человека обязательно с профильным образованием, Волька встретила меня, а у меня как раз образование подходящее. В общем, всё сошлось.

– Ну, желаю тебе, дочка, чтобы всё получилось! – И как в детстве строго сказал, – давай, Марина, допивай чай и спать ложись. Утро вечера мудренее.

6. Игнат Тюнин и его «Прошлогодний снег»

– Нарядная! – вместо приветствия оценила Волька Марину, садящуюся к ней в машину, – только у нас толком не для кого наряжаться, мужиков стоящих нет, одни ботаники.

– А разве для себя хорошо выглядеть не нужно? – поинтересовалась Марина и с удовольствием посмотрела на себя в маленькое зеркальце на солнцезащитном козырьке.

Она выглядела действительно хорошо, даже сама себе нравилась, что случилось далеко не ежедневно. Сегодня, правда, ради этого «хорошо», пришлось пожертвовать часом утреннего сна, но, как принято считать, красота требует жертв. В этот раз она потребовала и обрела своё. А Марина в свою очередь получила нужный результат – эффектно уложенные волосы и прекрасное настроение.

– Как я погляжу, ты теперь не такая заумная тихоня, какой в школе была. Смотри! – Волька оторвала руку от руля и, посмеиваясь, погрозила Марине, – моего Тюню не уведи. А то сейчас появишься вся такая распрекрасная, он и ошалеет от твоей неземной красоты и поддастся соблазну.

– Не уведу, не бойся, – засмеялась Марина, – в данный момент он не входит в мои планы.

– Смотри ты, не входит он в её планы! Как он может входить или не входить, ты же его никогда не видела?

– Почему? Видела, – возразила Марина, – я вчера сайт вашего агентства очень внимательно проштудировала, а заодно и фото сотрудников посмотрела. Твой Игнат Тюнин совершенно не в моём вкусе.

– К сожалению, и не в моём, – расхохоталась Волька, – но это к делу не относится.

Переливающийся в солнечных лучах «взбесившийся поросёнок», как ласково называла Алёна свой новый автомобиль, остановился у маленького двухэтажного особнячка, который уютно примостился среди многоэтажных построек. Среди своих современных братьев, дом выглядел совсем игрушечным. Таких особнячков в старой Москве раньше было предостаточно, а сейчас встретить подобный экземпляр довольно сложно. Модернизируя столицу, «знающие» реставраторы, что-то бездумно снесли, что-то под видом реконструкции изменили до неузнаваемости. А этот дом стоял, как будто время было над ним не властно, и исторические перемены прошли мимо него, оставив ему первозданный облик и возможность жить своей жизнью.

– Хорошенький домик?! – спросила Алёна, заметив, что Марина любит строением.

– Уютный и такой несовременно настоящий.

– Ага. Тюнька его долго искал. Сначала думал в современном бизнес центре осесть, но потом понял, что это не наш путь. И стал исторические площади искать. Долго мыкался, а когда нашёл, за голову схватился, сколько денег уйдёт на восстановление и ремонт. Но всё-таки пошёл на то, чтобы его арендовать, этот дом на имидж компании лучше любой рекламы работает. Сюда, как клиенты попадают, сразу понимают, что мы не шаромыжники какие-то, а вполне уважаемые, серьёзные люди, и сами нам деньги отдают. – И совершенно не в тему заметила, – и парковка тут своя, тоже немаловажный момент. Ну, пошли, кофейку попьём перед началом трудовой вахты, – девушки прошли в особняк. – Привет! – кивнула Алёна охраннику.

– Игнат Фиактистович только что звонил, сказал, что будет через пятнадцать минут, – доложил молодой человек, – предупреждал, что к нему девушка должна прийти. – И поинтересовался у Марины, – а девушка, это Вы?

– Не сомневайся, Антон, девушка – это она, – ответила за Марину Привольная.

– Тогда документик, будьте любезны, я пока всё оформлю.

– Ладно, вы пока оформляйте, а я пойду, кофе машину включу, у нас Игнат Фиактистович утро без кофе не начинается. А ты, Марин, когда освободишься, проходи вон туда по коридору, вторая дверь направо, – изобразила что-то напоминающее реверанс, добавила, – в малую гостиную.

Убрав в сумку, возвращённый охранником паспорт, Марина направилась в указанные Алёной апартаменты.

– Как у Вас здорово! Все помещения свои названия имеют: библиотека, парадная гостиная, дубовый кабинет, – оценила Марина, заходя в комнату, которую Привольная назвала малой гостиной, – сразу такой усадебный дух. А что у Вас в помещении, названном – будуар?

– В будуаре комната для переговоров. Приватная комната для переговоров с vip клиентами. Короче, когда пошептаться надо. У нас ещё и зал бальный есть.

– Ба-альный?! – протянула Марина.

– Ага, здоровенный, почти весь второй этаж занимает, не считая двух рабочих кабинетов и маленькой технической зоны. Настоящий большой парадный зал. Мы на паркет для этого помещения полгода всей фирмой работали. Там пока ещё отделка заканчивается, но уже понятно, что будет по-настоящему красиво. У нас архитектор очень опытный, знающий мужик, он с женой вместе работает. Такой у них семейный бизнес. Чётко свою линию гнут, не забалуешь. Мы с Игнатом сколько раз пытались удешевить проект, хоть в мелочах: то покрытие напольное какое-то попроще предложим, то люстру. Но они нас всегда быстро на место ставят, говорят, что нельзя такие исторические интерьеры неприкрытым новоделом опошлять.

– Наверное, они правы, – кивнула Марина, – много денег вы на мелочах не выиграете, а серьёзную работу испортите.

– Мы, в общем, тоже это поняли и согласились. Я, правда, ещё один разочек заикнулась, что видела портьеры красивые для музыкальной гостиной и фото ей показала. Но жена архитектора мне очень быстро объяснила, что в то время такого рисунка быть не могло, что эти шторы будут выпадать из общей концепции и совершенно туда не подходят. Я поняла, что их не переубедишь и не стала своё мнение навязывать. Тем более, Игнат в этой паре души не чает, так что же я буду между ними вставать.

В комнату вошел, вернее, влетел мужчина, которого Марина видела на фотографии.

– А вот и Игнат Фиактистович, –отреагировала на его появление Алёна.

– Привет, девушки! – заулыбался Игнат.

Он не находился в помещении даже минуты, а у Марины уже зарябило в глазах, хотя ничего особенного он не делал: повесил в шкаф плащ, чмокнул в щеку Алёну, попил воды из кулера, разбросал какие-то бумаги на Алёнином столе, причём она не обратила никакого внимания на его манипуляции. Вот, собственно и всё, но перемещался он по комнате так стремительно, что создавалось впечатление, что комната стала вдвое меньше, и всё занято его невысокой фигурой.

– Вы, я так понимаю, Марина? – в очередной раз, промчавшись по кабинету, Тюнин подлетел к новой сотруднице, – очень, очень приятно! Мне Алёна все уши прожужжала, расписывая Ваши достоинства.

«Когда успела?», – чуть было не спросила Марина, но вовремя «схватила себя за язык».

– Алёнушка, нам с Мариночкой кофейку, сделай, пожалуйста, – распорядился начальник и обратился к Марине, – прошу в кабинет.

Когда Игнат как всегда стремительно увлекал предполагаемую сотрудницу в свой рабочий кабинет, Марина через плечо видела, как её бывшая одноклассница, скроила ему вслед презабавную рожицу.

«Своеобразные отношения, – подумала Марина и в этот момент вспомнила степенного, импозантного, знающего себе цену, Тимофея Угорова. И на мгновение стало грустно, – глу-

пости, ничего мне не грустно», – заверила саму себя Марина и мило улыбаясь, прошла вслед за Игнатом Тюниным в его кабинет.

Разговор подходил к завершению. Собеседники остались вполне удовлетворены встречей. Игнат успел задать все интересующие его вопросы, получил ожидаемые ответы, принял положительное решение относительно предложенной претендентки, сказал все соответствующие моменту комплименты и на последнем «аккорде» спросил:

– Марин, я так много Вас расспрашивал и даже не дал Вам возможность самой что-то спросить. Попытаюсь устранить эту несправедливость. Может быть, у Вас возникли какие-то вопросы? Самое время их задать.

– Вы многое успели озвучить и пока вопросов, наверное, нет, – ответила Марина, – но они, вероятно, возникнут, когда я немного разберусь в нюансах, и начнётся работа. Единственно, что меня сейчас интересует, почему Вы так необычно назвали свою компанию – «Прошлогодний снег»?

– Обычно наше название всегда вызывает интерес. Кто-то восхищается оригинальностью, кто-то не принимает. Но главное, равнодушными никто не остаётся. Я рад, что Вы спросили, – засмеялся Тюнин и, не ответив на Маринин вопрос, задал свой, – а Вам нравится или не нравится название? Только честно.

– Мне, – задумалась Марина, – мне, скорее нравится. Только, знаете, само понятие «прошлогодний снег» вызывает какие-то воспоминания. Даже не могу понять какие, но точно воспоминания.

– Воспоминания! – вскочил Игнат и начал быстро ходить по кабинету, потом горячо заговорил, – «воспоминания» здесь ключевое слово! Ведь то, чем мы занимаемся, так или иначе связано с воспоминаниями. Наши клиенты, вкладывая деньги, и немалые, в реконструкции, интересующих их событий, стараются что-то вспомнить, даже не то, что происходило лично с ними, а воссоздать давние события в стране и мире. И таким образом, заставить людей оглянуться и вспомнить прошлое. То есть реконструкция – это своего рода воспоминание, а прошлогодний снег – просто красивый образ.

Марина улыбнулась. Видеть человека, по-настоящему, увлечённого своим делом, было приятно. Тюнин улыбнулся ей в ответ, новая сотрудница была ему симпатична, и он чувствовал, что Марина Тимофеева – удачное приобретение для его агентства. «Не такой уж он чудной, как показался в начале, – подумала Марина. – Славный, вроде бы увлечённый мужик».

Марина вышла из кабинета нового шефа.

– Ну что, договорились? – спросила Алёна.

– Вроде бы да, – кивнула Марина, – только сейчас нужно будет детально во всём разобраться и вникнуть в специфику вашей работы. Всё-таки я ничем подобным раньше не занималась.

– Уж за это я ни капельки не волнуюсь, – подмигнула Привольная, – уж что-что, а разбираться во всем ты прекрасно умеешь. Разберёшься всесторонне и через два дня сама всем всё объяснять будешь. Как раньше в школе было. Я в тебе уверена.

– Постараюсь оправдать твоё доверие, – усмехнулась Марина.

Из кабинета вылетел начальник, пометался по малой гостиной, как будто что-то искал, ничего не нашёл, с размаху плюхнулся в кресло и распорядился:

– Алёна, вызови Валеру, пусть покажет Марине особняк, познакомит с деятельностью нашей компании и оборудует ей рабочее место в своём кабинете.

– Игнат, я и сама могу Марине наш офис показать, – предложила свои услуги экскурсовода Алёна.

– Не можешь, – безапелляционно ответил шеф, – у меня через три минуты встреча с Макеевым. Будь на месте, можешь понадобится, – вскочил и исчез за дверьми своего кабинета.

– Он всегда такой стремительный? – спросила Марина, но ответа получить не успела, потому что дверь кабинета распахнулась, из неё выглянул Игнат и неожиданно громко сказал, как будто слышал Маринин вопрос, адресованный Алёне:

– И не вздумайте меня обсуждать, – игриво подмигнул Марине, – это я не Вам, Мариночка. У нас есть одна любительница, кого-нибудь пообсуждать, в основном меня, – и расхохотался, – и особенно в рабочее время. – В гостиную, служившую приёмной, зашел пожилой, довольно грузный мужчина, Марина поняла, что это, скорее всего, ожидаемый Игнатом Макеев. – Здравствуй, Константин Леонидыч, – засуетился Тюнин, – проходи.

Когда за мужчинами закрылась дверь, Марина, на всякий случай, понизив голос, заинтересовалась:

– А это и есть Макеев, которого Игнат так ждал?

– Да, Макеев – великий и ужасный, – почти шепотом подтвердила Алёна.

– Клиент?

– Как раз наоборот – сотрудник компании.

– Сотрудник?! – переспросила Марина, как-то не верилось, что руководитель так счастлив видеть своего собственного сотрудника.

– Он главный бухгалтер, царь и бог нашей конторы, Тюня, по-моему, его даже побаивается. Макеев бывает на работе не каждый день, а уж если прибыл, все-все, в том числе и Тюня, по стойке смирно.

– Алёна, чаю сделай Константину Леонидычу, – ожил на столе секретаря телефон «правительственной связи» и голосом Игната сделал заказ.

– А Вам? – спросила у невидимого начальника секретарь.

– А мне кофе, – и добавил, – пожалуйста.

На это «пожалуйста» Алёна усмехнулась и отправилась готовить заказанные напитки, предварительно, вызвав для подруги коллегу, который в данном случае должен был выполнять функции гида.

– Валера, – представился молодой человек, незамедлительно появившийся в приёмной, и довольно радушно пригласил, – пойдёмте знакомиться с нашим хозяйством. Оно на первый взгляд нехитрое, но в нюансах разобраться придётся.

– Я готова, – приветливо улыбнулась Марина.

– Тогда вперёд, – откликнулся новый коллега и заверил, – обещаю, будет интересно.

7. Новый род деятельности

Работа, как и обещал Валера, была действительно интересной. Интересной, разнообразной и, впервые в Мариной жизни, напрямую связана с её профессией. Так случилось что, окончив исторический факультет, она ни одного дня не работала по специальности. Получив диплом и продемонстрировав его восхищённым родителям, она благополучно убрала его в ящик стола и с головой окунулась в деятельность мужа, создающего свою компанию.

А сейчас знания, полученные в учебном заведении, понадобились в полном объёме, а давняя любовь к истории получила, помимо чувственной составляющей, вполне материальное применение.

Готовясь к созданию реконструкции на ту или иную историческую тему, она полностью погружалась в изучаемую тему, стараясь скрупулёзно изучить даже самые незначительные на первый взгляд мелочи, справедливо полагая, что в воссоздании истории, мелочей нет и быть не может.

Воспроизводить исторические события было не только интересно и, даже временами захватывающе, но и очень ответственно. Разумеется, Марина чувствовала ответственность перед заказчиками, ставшими инициаторами создания реконструкции и заплатившими немалые деньги, перед работодателем, поручившим ей руководство серьёзными проектами, перед самой собой, потому что по природе была перфекционистом, всегда стремящимся к идеалу. И наконец, перед героями, чьи судьбы, так или иначе, воссоздавались в реконструкции.

Марина однажды слышала, как в интервью один известный писатель сказал, что когда он пишет очередную книгу, его герои всегда находятся рядом с ним. Марина тогда подумала, что вероятно раскрученный автор рисует, одушевляя своих персонажей. Сейчас она поняла, что вероятнее всего – это была чистая правда. Марины герои – исторические персонажи, чьи судьбы она воссоздавала в своих реконструкциях, вели себя точно также. Они постоянно присутствовали рядом, подсказывали, помогали, уберегали от ошибок и, на время, пока Марина работала над проектом, как будто оживали и становились ей совсем нечужими людьми.

Одним словом, работа ей нравилась, коллектив подобрался на редкость дружный, профессиональный, мыслящий в унисон, а проекты приходили интересные, трудоёмкие, требующие полной отдачи. Как оказалось, именно этого и нужно было Марине, работа захватила полностью и ни о чём другом думать было некогда. В Мариной ситуации – это было именно то, что ей сейчас необходимо.

Игнат Тюнин не мог нарадоваться на уникальное, столь необходимое компании приобретение, коим являлась Марина Тимофеева, и не уставал благодарить за него свою помощницу Алёну Привольную. Благодарности Алёна благосклонно принимала, всякий раз подчёркивая свою незаменимость.

Все были вполне довольны собой, окружающими и происходящими событиями. Жили, творили, реконструировали события.

Эти положительные эмоции и хорошие впечатления относительно новой работы создавались, безусловно, непосредственно историческими реконструкциями. Но попадались в этом «реконструкционном» процессе и неожиданности, к сожалению, не всегда приятные.

8. Заявка на проект

Получив заявку на очередную реконструкцию, Марина сразу поняла, что это мероприятие не имеет отношения к реконструкции как к таковой, а уж к исторической, тем более. Как поступить в такой ситуации она не знала, решила за советом обратиться к «старшим товарищам» и набрала внутренний номер Тюнина.

– Игнат, можешь меня принять? Хотела посоветоваться по одному вопросу.

– Конечно, заходи. Я на месте и у меня есть полчаса, – как всегда дал исчерпывающую информацию господин Тюнин.

В приёмной скучала Волька.

– Ты самотёком или вызывал? – поинтересовалась бывшая одноклассница.

– Как ты говоришь, самотёком, – усмехнулась Марина.

– Тогда нужно Им позвонить, – не вставая с места, в сторону кабинета раскланялась Алёна, – и высочайшее соизволение испросить. А то Они самоуправления жуть как не любят.

Секретарь потянулась к телефону, Марина остановила и в стиле подружки сказала:

– Госпожа Привольная, не волнуйтесь, Они гневаться не будут. Я звонила, попросила об аудиенции и меня милостиво обещали принять.

– Ну, всё равно, правило есть правило, – откликнулась Алёна, беря трубку, – Игнат Фиактистович, к Вам Марина Тимофеева, прикажите принять? – видимо трубка в ответ воспроизвела какую-то шутку, потому что Алёна засмеялась, кокетливо сказала, – да ну тебя, – и обратилась к сотруднице, ожидающей аудиенции, – заходи, он ждёт.

Беспокойный Тюнин особенно не ждал, а распахнул дверь и выглянул в приёмную.

– Марин, заходи! Что ты здесь прохлаждаешься?

– Я собственно не прохлаждаюсь, – даже как-то растерялась Марина, она всегда терялась от его неуёмного напора.

– Это я её задержала, – гордо сказала Привольная, – выполняю Ваши распоряжения: «без доклада никого не пущать».

– Да ну тебя! – теперь уже Тюнин повторил вышесказанную Алёной фразу и снова сказал, обращаясь к Марине, – давай заходи.

Марина прошла в кабинет, уселась в предложенное кресло, подумала: «До чего же стильный у него кабинет, умеет же человек создавать прошловековую атмосферу неспешного спокойствия. Даже то, что сам суетится, общий настрой сломать не может». Марина обратила внимание, что на столе у шефа стоят две вазы, которые она раньше не видела.

– Какие красавицы! – искренне восхитилась сотрудница. И действительно, восхищаться было чем – высокие вазы из матового темно-бордового стекла с цветочным рисунком.

– Красавицы, – согласился хозяин кабинета, – только сейчас купил.

– Очень красивые, – ещё раз оценила Марина, разглядывая приобретение шефа, – величественные и в то же время изящные. – Марина прикоснулась к одной из ваз, – даже на ощупь приятные.

– Настоящие старинные вещи, именно не просто старые, а старинные, всем органам чувств приятны: и внешне, и на ощупь, и даже на запах, – в доказательство Тюнин понюхал вазу и с удовольствием выдохнул, – прелесть!

– XIX век? – уточнила Марина.

– Вероятно, начало двадцатого, – откликнулся Тюнин, – дореволюционная Россия, наверное, четырнадцатый-пятнадцатый год, знаменитый Мальцевский завод, в Гусе Хрустальном, вазы аля Галле.

– Аля Галле – это стиль? – поинтересовалась, не особенно разбирающаяся в антиквариате Марина.

– В XIX веке во Франции жил художник, впоследствии, ставший знаменитым, его звали Эмиль Галле. Он по праву считается основоположником течения арт-нуво, ну, может быть, если не основоположником, то по крайней мере один из основоположников. Работал с декоративным стеклом и керамикой. Мастер был первоклассный. Его называли мастер-ювелир стекольного искусства.

– Звучит, – оценила Марина.

– Это правда, он в своём деле настоящий ювелир. Я одно время увлёкся этой темой, каталоги пересмотрел, какие-то его работы воочию видел и у нас, и за границей. Ты один экземпляр, могла у нас в будуаре видеть.

– Ваза, которая у тебя в витрине стоит? – догадалась Марина.

– В витрине под замком, – подмигнул Игнат, – это подлинный Галле, несколько лет назад на аукционе купил. А это, – Игнат снова воззрился на новое приобретение, – это русский аналог в стиле Галле.

– Изумительно хороши! – продолжала восхищаться Марина.

– И правда, – закивал Тюнин, – ну это же русские мастера. У наших фантазии больше, они как будто смелее. Русские же, нам всё подвластно! – и расхохотался, вспомнив какую-то забавную деталь, – я где-то читал, что когда революция случилась и в Гусе Хрустальном завод ясное дело был национализирован, стали выпускать стаканы да пепельницы, но старые мастера ещё оставались. А потом, к ним новая власть стала обращаться, чтобы вазы такие делали для подарков всяким именитым гостям. Чтобы в мире знали, какая советская власть продвинутая и образованная.

– Что, прямо такие вазы заказывали? – удивилась Марина, – у большевиков губа не дура!

– Такие да не такие, – ответил Игнат, – им цветочки да лепесточки были ни к чему, им что-то более советское нужно было. Например, появилась синяя ваза с изображением пионерки в пилотке и в галстук.

– Синяя пионерка – это круто! – усмехнулась Марина, – ты видел?

– Только на картинке. Я думаю, если она сохранилась, то наверняка несметных денег стоит. Хотя и эти красавицы недешёвое удовольствие.

– Главное, что удовольствие, – улыбнулась Марина.

– Точно удовольствие. Пусть дорогие. Они стоят того, – ухмыльнулся Игнат и добавил, – вроде не обули меня антиквары эти. А то, знаешь, какие они ребята ушлые. Но правда в этот раз я Дашку с собой брал, её не обманешь, она у нас девушка не менее ушлая и знающая, пока клейма не разглядела, ответа не дала.

Марина была осведомлена, что «Дашка» – жена архитектора, который реставрировал особняк, она её никогда не видела, но наслышана была так много, что ей временами казалось, что эту даму она давно и хорошо знает.

– Красивые! – Игнат любовался дорогой «игрушкой», мечтательно сказал, – в бальном зале поставлю или в парадной гостиной, – потом, наконец, отвлёкся от приобретения, покопался на столе, нашёл какой-то документ, протянул Марине, – смотри, Копыловы благодарность прислали за последнюю реконструкцию.

Марина пробежала текст на листе – семья заказчиков прошлого мероприятия рассыпалась в благодарностях.

– Там в конце прочитай, лично тебя благодарят, пишут: какая ты распрекрасная и лучше тебя нет.

Марина дочитала письмо, абзац, посвящённый ей, был полон дифирамб и восхищений, ей приписывали: виртуозное владение ситуацией, глубокое знание исторического материала, талант организатора и ещё много всего приятного.

– Ну как?! – спросил Тюнин, спросил гордо, как будто сам всё это написал.

– Приятно, – ответила Марина.

– Приятно, не то слово! – ажиотировал Игнат, – нам их оценка ещё сто раз пригодится. Люди-то непростые, сама понимаешь. И ведь не поленились, не по мылу отправили, а с нарочным, как положено. Уважение проявили, воспитанные люди! Сейчас Алёнке бумаженцию эту дам, пусть в рамочку вставит и на видное место повесит. – Игнат вскочил, схватил «бумаженцию» и понёсся давать распоряжения секретарю. Через мгновение вернулся, уставился на Марину, как будто видел её впервые, остановился, не понимая, что сотрудница делает в его кабинете. Но удивиться не успел, сразу всё вспомнил и деловито спросил, – так ты же по какому-то делу заходила? Слушаю тебя, – предварительно посмотрел на часы, сразу предупредил, – у нас осталось пятнадцать минут. Если что-то серьёзное и надолго, давай перенесём.

– Серьёзное, но ненадолго, я не задержу, – успокоила Марина, – дело в том, что сегодня мне поступила заявка на очередную реконструкцию.

– Это то, что на октябрь? – уточнил Игнат, Марина утвердительно кивнула. Начальник поделился впечатлением о новом клиенте, – ох, там заказчица жутко боевая тётка! Напор такой! Я думал наш домик-крошечка по кирпичику разлетится. Ну, ничего, крепенький оказался, устоял. Так, что тебя смущает в этой заявке?

– Честно говоря, всё.

– Что значит, всё? Будь любезна, объясни, – заволновался шеф.

– Во-первых, это не реконструкция, а скорее коммерческое спортивное соревнование, в общем, даже и не соревнование, а имитация соревнования.

– А во-вторых?

– А во-вторых, это мероприятие не является реконструкцией вообще, а уж исторической, тем более. Я считаю, оно нам не по профилю.

– И, что ты предлагаешь? – недовольно скривился Тюнин.

– Предлагаю не ввязываться в авантюру и, пока не поздно, отказаться от этой затеи.

– То есть, ты считаешь, что мы должны отказаться от хороших денег, которые компании необходимы, только потому, что это не историческая реконструкция? Не ожидал от тебя такого недальновидного и бесхозяйственного подхода.

– Игнат, ты сам всегда говоришь, что очень важно, чтобы мы находились в рамках той ниши, которую занимаем, не разбрасывались по мелочам и были в своём сегменте первыми, – заучено повторила Марина тезисы руководителя.

Тюнин самодовольно хмыкнул.

– Моя школа! Прямо как по писанному прочла. Молодец! Но, в данном конкретном случае, нам нужно свои корпоративные амбиции попридержать. И сделать это мероприятие на таком уровне, чтобы никто: ни конкуренты, ни злопыхатели подкопаться не могли и не подумали, что для нас это первый опыт. Ясно тебе это?

– Игнат, мне ясно, но в этом случае, руководить проектом должна не я. Я ничего не понимаю в фигурном катании. Нужен какой-то разбирающийся в этой сфере человек.

– Марин, даже не начинай, – замахал руками Тюнин, – у тебя хорошие показатели, ты умеешь ладить с клиентами. Тем более с такой огнеопасной дамой, как эта. Потом я ей тебя уже отрекомендовал. А разобраться во всех тонкостях успеешь, не завтра ведь наша спортивная авантюра.

Марина снова начала отнекиваться, тогда Игнат решил воспользоваться главным, на его взгляд, аргументом, он написал на листке сумму, на которую увеличится её гонорар, если она не откажется от проекта. Серьёзные цифры он никогда вслух не озвучивал, сотрудники посмеивались, говорили, что шеф боится утечки информации. А с бумаги информации деться было некуда, потому что Игнат, после беседы неизменно все документы, используемые в переговорах, отправлял в шредер. Написанная в этот раз прибавка к гонорару была внушительной.

Аргумент сработал, Марина согласилась, решив попробовать себя в новом качестве – организатора коммерческого спортивного соревнования.

Довольный своим талантом переговорщика Тюнин понёлся на очередную встречу, а Марина отправилась к себе в кабинет, чтобы путешествуя по всемирной сети, максимально полно изучить специфику организации спортивных мероприятий.

9. Фигуристка

– Вам моя мать, вероятно, сказала, что я умалишённая, и она вынуждена проводить эти, так называемые соревнования, чтобы порадовать свою несчастную больную дочь?

Марина молчала: во-первых, её совершенно не радовала перспектива общения в пустынном подтрибунном помещении с возможно неуравновешенной дочерью клиентки, а во-вторых, обсуждать что-то не с заказчиком мероприятия и даже не с его представителем, она полномочна не была. Поэтому, Марина предпочла на вопрос не ответить, а просто мило улыбнуться и, вместо ответа, спросить о качестве льда.

– Лидия, Вы с тренировки? Лёд устроил?

– На вопрос не отвечаете, – усмехнулась Лидия, сама, не ответив на заданный вопрос, да ещё, как показалось Марине, мрачно на неё посмотрела. – Не бойтесь, – вероятно, «прочитала» её мысли фигуристка, – я не буйная и на людей не кидаюсь.

– Я ничего подобного не подумала, – попыталась успокоить девушку Марина.

– Подумали, подумали, – ещё раз усмехнулась Лидия. – Не переживайте, всё «откатаем» и «отыграем» как по нотам. Гонорара Вас никто не лишит. Не за что лишать. Я даже попрошу написать благодарственное письмо Вам на работу. Подготовлено всё прекрасно. Лёд, кстати, отличный. Организация безукоризненная. Вам бы нормальные международные соревнования устраивать, а не наши «потешные» баталии. Помните, Пётр I в юности любил подобные развлечения? – Лида поправила на плече сумку и зачехлённые коньки, пояснила, – годами выработанная спортивная привычка, свой инвентарь без присмотра в раздевалке не оставлять, чтобы лезвия не затупили, стекла в ботинки не подсыпали, платье не порвали.

– А что, бывало такое? – спросила Марина, – я всегда думала, что это страшные сказки.

– Нет, не сказки, – кивнула Лидия и, горько усмехнувшись, добавила, – сейчас, понятное дело, моё барахло никому не нужно, да и я никому не нужна, но привычка осталась. А раньше, когда ходила в подающих надежды, всякое бывало.

Девушка рассуждала вполне здраво и впечатление умалишённой никак не производила, конечно, следовало бы промолчать, но Марина не выдержала и спросила:

– Скажите, Лидия, а зачем Вы участвуете в этом фарсе? Вы не производите впечатления человека, кому интересны подобные развлечения.

– Они мне и не интересны. Это матери затея – она кукловод, а мы все её послушные марионетки. Я спортсменку с покаленной судьбой изображаю, брат учёного, у которого что ни год, то новое открытие. Хотя он никогда наукой не занимался и школу с трудом закончил. Учёный, с пятью классами церковно-приходской! – засмеялась Лида. – Это матушки нашей нереализованные амбиции, – потом посмотрела на удивленную Марину, – Вы спросили, зачем нам это нужно? – собеседница утвердительно кивнула, – наследство, – мрачно произнесла фигуристка, – слишком большой куш, и нельзя допустить, чтобы он уплыл. Я, по крайней мере, себе этого не позволю. Никогда!

Это «никогда» Лидия сказала с ненавистью, с каким-то остервенением, даже сжала кулаки, и Марину снова посетила мысль о её безумии.

– Не бойтесь, я не опасна, – повторила фигуристка, – в прошлом я действительно занималась фигурным катанием, докаталась до кандидата в мастера спорта. Была довольно способной. Многооборотные прыжки быстро учила. Из зала сразу на лёд выходила и делала. На удочке не болталась.

– На какой удочке? – переспросила Марина, вроде речь шла о фигурном катании, и о рыбной ловле никто ничего не говорил.

– Удочка, – усмехнулась Лидия, – это у нас так приспособление для страховки называют. Сленг профессиональный. У цирковых – лонжа, а у нас – удочка. Страховка своего рода. Я

даже не знаю, есть ли у неё какое-то другое название. Это когда выезды с прыжков тренируют, спортсмен прыжки крутит, а на выезде тренер его страхует, чтобы на лёд не валился. Так вот, я сама с прыжков почти сразу выезжать стала. Слух пошёл, что в нашей группе восходящая звезда. От меня ждали результатов, да они, в общем, были, по юниорам я много чего выигрывала, тем самым «лила бальзам» на претенциозную душу моей матери. Она уже рисовала картины, как она – мать олимпийской чемпионки, принимает гостей в своём модном салоне и разливается соловьём о победах своего ребёнка. Но мечтам сбыться было не суждено, в тринадцать лет я получила серьёзную травму. Не на льду. По глупости. Сын приятельницы моей матери занимался фристайлом и однажды позвал меня попробовать. Я на горных лыжах каталась неплохо, да и вообще на лыжах с детства хожу. И прыжки многооборотные меня не пугают. Одним словом, я согласилась попробовать. И попробовала, но неудачно. Получила травму. Долго болела, когда поднялась с постели, стало понятно, что с большим спортом покончено, полноценно восстановиться не получится. И выросла я за время болезни заметно, сантиметров пятнадцать точно прибавила. А для нашего вида это серьёзный минус, раскоординация наступила полная. Не могу сказать, что для меня всё это было большой трагедией, фанатичной спортсменкой я не была никогда. Способности были, давалось всё довольно легко, а желания и трудолюбия не было. Меня больше интересовали мальчишки, влюблённости, модные тряпки. А, вот для матери – это был удар, от которого, она так и не смогла оправиться.

– Но дочка же выздоровела, разве не это главное? – у Марины защемило сердце, она хорошо знала, о чём говорит.

– Для любой другой женщины, наверное, было бы важнее, чтобы ребёнок просто выздоровел. Для любой другой, но не для Клементии Германовны, – скривилась Лидия, – для неё амбиции, прежде всего. И ещё во главу угла ставится, что скажут люди. Завидуют – замечательно. А пожалеют – ни в коем случае. Да её собственно никто не пожалеет, скорее усмехнутся вслед и за спиной пошепчутся.

– Зачем так о людях плохо думать? Не все же такие.

– В мамином окружении в основном такие. Да и она ничем не лучше остальных. В жизни слова доброго ни о ком не сказала, – Лида хотела ещё что-то сказать, но в подтрибунном помещении появилась обсуждаемая дама.

Лида моментально навесила на лицо безразличное выражение и устремила взор, на приближающуюся мать.

– Лидуша, а мы тебя потеряли. Куда же ты пропала? – мать обратилась к дочери, а сама смерила раздражённым взглядом Марину, как будто именно она была причиной исчезновения Лиды из поля её зрения.

Лида поспешила предварить ненужные вопросы и сказала матери:

– Я как обычно ушла настраиваться, а Марина проходила мимо и спросила меня о качестве льда, – и взглянула на вышеназванную девушку, – Вас же, кажется, Марина зовут?

– Да, – подтвердила Марина.

– Лидуша, – мать снова окликнула дочь, – здесь холодно, поднимись вверх. – И недовольно сказала, обращаясь к Марине, – а, что Вы не начинаете? Зрители в нетерпении.

– На разминку первая группа выйдет через восемь минут, – отчеканила Марина, – существуют международные правила и не нам их менять. Каждый фигурист имеет точное время выхода на лёд. И никакие коррективы во времени нежелательны. У Лидии выход на лёд, – Марина сверилась с расписанием, – в двадцать тридцать семь.

– Мам, не нужно ничего менять и никого торопить, иди в зал и наслаждайся соревнованиями. А я пойду в разминочный зал, начну разогреваться.

– В разминочном зале камеры есть? – заволновалась неугомонная мама.

– Безусловно, есть, – успокоила Марина, – но я сейчас ещё раз проверю.

Спортсменка и двое организаторов, если верить надписям на бейджах, висящих на груди у каждой из дам, отправились выполнять свои обязанности: Лидия разминаться перед выходом на лёд, Клементия Германовна болеть на трибуны, а Марина руководить процессом соревнований.

– Марин, что у вас там произошло? – начальник «на другом конце провода» явно нервничал.

– Ничего особенного не произошло, – спокойно ответила сотрудница, – соревнование закончилось, гости пошли на банкет. Всё по графику, как планировали.

– Я не об этом спрашиваю! – Тюнин начал раздражаться, – как у вас всё прекрасно, я знаю. Меня интересует другое. Мне сейчас звонила мадам Червоненко, билась в конвульсиях, орала, что мы сорвали ей соревнование. Что произошло?

– Ах, это? – мрачно усмехнулась Марина, – дело в том, что её дочь, ради которой и проводилось это соревнование, крайне неудачно откатала программу и получила довольно низкие оценки за технику, компонентами её немного подняли, но до первого места не дотянули. Просто невозможно было при таком катании. Клиентка была вне себя, с трибуны чуть не вывалилась, так эмоционально переживала. Потом побежала с судьями разбираться. Кричала, что они непрофессионалы, что у них нет глаз, только что не требовала отправить их «на мыло» и драться не лезла, хотя, была на грани.

– Да она мне тоже на судей жаловалась, говорила, что мы не должны оплачивать их топорную работу. А как не платить? Мы же им, по-моему, всё заранее оплатили.

– Да, оплатили, таким было их условие, что работают они по стопроцентной предоплате, – проинформировала шефа Марина. – И непрофессионалами их не назовёшь, все имеют категорию – судья международного класса. Ты же кандидатуры каждого из них сам утверждал.

– Да, – вздохнул Игнат, – это Клементия Германовна изначально просила, чтобы всё было организовано на уровне рейтингового международного соревнования.

– Вот этот уровень и сыграл с ней злую шутку. Если бы было всё попроще, может быть и неудачный прокат не выглядел бы так безнадежно. Посадили бы вместо судей статистов, они сыграли бы по нашим правилам. И можно было обойтись без возникших сложностей. А профессионалы в эти игры не играют и судили приближенно к реальности. Поэтому, первое место получить было невозможно. Я, честно говоря, удивляюсь, что её на второе сумели поставить.

– А сейчас-то мадам Червоненко как себя ощущает? – поинтересовался Игнат.

– Думаю, уже нормально, – засмеялась Марина, – пар выпустила, на нас накричала, душу отвела, потом с ангажированными журналистами пообщалась, интервью пораздавала, а теперь отправилась на банкет слушать дифирамбы в свой адрес от гостей. Так что, я думаю, всё не так плохо. Она хотела вариант максимально правдоподобный, она его получила. В спорте от неудач никто не застрахован.

– Главное, чтобы для нас это мероприятие не стало бы неудачей, – заявил Тюнин, – и мы могли его записать себе в актив, как вариант реконструкции спортивных событий.

Марина хотела сказать, что слово реконструкция к подобному мероприятию никаким образом не притянешь, что не стоило и браться за такую авантюру, что... Но, ничего подобного не сказала, вовремя себя остановила и миролюбиво ответила взволнованному Игнату:

– Думаю, в актив его внести мы сможем. Организовано всё хорошо, придаться не к чему. Ко мне профессиональные спортсмены, тренеры, да и судьи подходили, говорили, что всё на хорошем уровне, что многие настоящие соревнования хуже организованы. Так что всё не так плохо. И у госпожи Червоненко, мне кажется, уже настроение исправилось. Я вижу, она с гостями курить на улицу идёт, за километр слышно, как хохочет и что-то обсуждает.

– Выпила что ли лишнего? – заинтересовался Тюнин.

– Не без этого, – усмехнулась Марина.

- Ну, хорошо, – успокоился начальник и участливо поинтересовался, – устала?
- Честно говоря, да, – призналась Марина.
- Ты демонтаж на себя не взваливай, Валерку оставь за старшего, – распорядился добрый начальник, – а сама отправляйся отдыхать.
- А завтра снова в бой, – откликнулась Марина, цитируя фразу из фильма «Большая перемена», простилась с Игнатом и, выполняя его распоряжения, отправилась домой отдыхать.

10. Лидия

– Марина, здравствуйте, – тихо «прошелестел» в трубке какой-то безликий, надтреснутый, как будто усталый голос.

– Здравствуйте, – в телефонной книге абонент не значился, и Марина не сразу поняла, с кем говорит, хотя, как будто голос был чем-то знаком. Но моментально идентифицировать говорившего, вернее говорившую, она не смогла.

– Вы меня, вероятно, не помните, – снова заговорила женщина, – я Лида – Лидия Турусина – дочь Клементии Червоненко, – последнее уточнение было уже необязательным, Марина сразу вспомнила дочь недавней капризной заказчицы.

– Здравствуйте, Лида. Я, безусловно, хорошо Вас помню. Рада слышать. Как Ваши дела?

– Дела? – как-то с сомнением переспросила Лида и повторила, – дела... – и вдруг попросила, – Марина, Вы не могли бы со мной встретиться.

– Конечно, могла бы. А когда Вам было бы удобно?

– Если возможно, сейчас, – поспешно ответила Лидия и сразу заверила, – я подъеду, куда скажете и не займу много времени.

Марина удивилась тому, что так срочно понадобилась этой малознакомой девушке, но отнекиваться не стала и заговорила о встрече.

– Лида, я сейчас в офисе, может быть, Вы ко мне подъедите?

– Лучше, если можно, давайте встретимся на нейтральной территории, – ещё больше удивила ответом Турусина. – У Вас рядом с офисом есть какое-нибудь кафе, или парк, или сквер? Мне всё равно, – занервничала Лида.

«Странная всё-таки барышня», – подумала Марина, но, несмотря ни на что, вежливо ответила:

– Совсем рядом, на соседней улице есть кофейня, – и назвала адрес.

– Отлично, – вдруг оживилась Лидия, – через сорок минут я туда подъеду.

Марина зашла в кафе и сразу увидела Лиду, примостившуюся у барной стойки. Выглядела девушка как-то странно: в спортивном костюме, туфлях на каблучках и летней матерчатой бейсболке, довершал замысловатый костюм – вечерний бархатный клатч. Создавалось впечатление, что собиралась Турусина в крошечной тьме, а если уж не в темноте, то точно впопыхах, словно спасаясь от погони.

– Добрый день, Лидия, – поздоровалась Марина.

Лидия вздрогнула и уставилась на Марину, как будто совершенно не ожидала её здесь увидеть, и теперь страшно удивлена её появлению.

– Я Вас напугала? – спросила Марина, – прошу прощения.

– Нет, ничего, – замотала головой Лидия и, вдруг перейдя на шепот, сообщила, – меня ищут, поэтому, вынуждена скрываться и, честно говоря, всего боюсь.

– Скрываться? – почему-то тоже шепотом переспросила Марина, – от кого?

– От матери и её прихвостней, – и презрительно усмехнулась, – имеется в виду её доверенных лиц. – И, посмотрев на Марину, как тогда перед соревнованием, добавила, – не бойтесь, я не сумасшедшая, всё крушить и кидаться на людей не собираюсь.

– Лида, я ничего не боюсь и сумасшедшей Вас не считаю. Просто хотела услышать Ваши объяснения и помочь, если моя помощь потребуется. – Марина посмотрела на Лиду и мягко предложила, – давайте пересядем за стол, а то на этих высоких стульях как-то неудобно и сидим очень на дороге, – Марина указала на стол за перегородкой, – пойдёмте туда. Лидя послушно встала и пошла вслед за ней.

– Давайте закажем что-нибудь, – предложила Марина, – выпьем чаю или кофе, и Вы мне всё расскажите.

– Марина, закажите мне чай, пожалуйста, – попросила Лидия.

– Ну, конечно, – кивнула Марина, – чай и что-нибудь перекусить. Мне кажется, Вам нужно подкрепиться, – Марина знаком подозвала официанта и попросила меню. Когда парень, выполнив просьбу, отошел, она полистала прейскурант и спросила, – ну что, закажем что-нибудь?

– Мне только чай, – ответила Лидия, отложила папку с перечнем предлагаемых блюд и вдруг призналась, – у меня совершенно нет денег.

– Лида, ну это не так важно, – откликнулась Марина, – я с удовольствием Вас угощу. Тем более, Вы наверняка не обедали, а время уже шестой час.

– Я, честно говоря, и не завтракала, – призналась Лида, – а вообще, так получилось, со вчерашнего дня не ела.

– Ну, вот видите, – Марина сделала заказ и посмотрела на, свою волею случая, гостью, спросила, – Лида, у Вас что-то случилось?

– Случилось, – вздохнула Турусина, – я ушла из дома.

– Как?! – изумилась Марина.

– Очень просто, – мрачно усмехнулась Лида, – поссорилась с матерью и ушла. Даже не ушла, а сбежала. Почти ночью, под утро. Вы, наверное, заметили в каком я виде?

– Довольно странный наряд, – призналась Марина.

– Кроме спортивного костюма, всё остальное – старьё, которое валялось в гараже. Мать ещё с вечера заперла мою гардеробную.

– Зачем?

– Чтобы мне нечего было надеть, и я не могла уйти. А я ушла. Целый день бесцельно слонялась по городу. Всё пыталась придумать, что мне делать и куда идти. Ничего не придумала и позвонила Вам, благо Ваш номер был в телефонной книжке.

– И правильно, что позвонила, – приветливо улыбнулась Марина, а сама подумала, что довольно странно, что у девушки не нашлось никого ближе малознакомой женщины, с которой, в общем, ничего не связывает. Но, безусловно, делиться с Лидией подобными мыслями она не стала и продолжала ободряюще улыбаться.

Подошёл официант, пока он расставлял тарелки с заказанной снедью, собеседницы не проронили ни слова, когда молодой человек отошёл, Лида, посмотрев на принесённые блюда, призналась:

– Я действительно очень голодна.

– Так давайте поедим, потом спокойно поговорим, – предложила Марина.

Девушки ели практически молча, казалось, что, отвлекшись едой, Лида совершенно забыла о цели инициированной ею встречи. Марина её не тревожила, ей почему-то было жаль эту уставшую, потерянную девочку. Она думала о Лиде, как о совсем юном существе, хотя знала, что таковым она не является. Марине было доподлинно известно, что Лидии Турусиной двадцать четыре года.

Наконец Лида отодвинула от себя тарелку, благодарно посмотрела на Марину.

– Спасибо. Вы меня просто спасли. Я даже не чувствовала, что так хочу есть. А тем более, так всё вкусно и никто над душой не стоит и калории не считает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.